

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

ИВАН
ЕФРЕМОВ

На краю Ойкумены

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е92

Оформление серии *Н. Ярусовой*

В оформлении переплета использованы фрагменты
работы художника *Эдмунда Дюлака*

Ефремов, Иван Антонович.

Е92 На краю Ойкумены / Иван Ефремов. — Москва :
Эксмо, 2024. — 320 с. — (Всемирная литература (с
картинкой)).

ISBN 978-5-04-204303-1

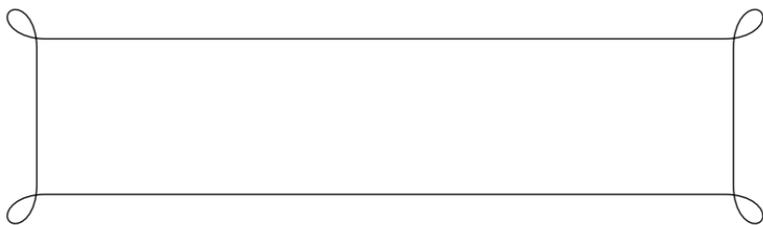
Иван Антонович Ефремов (1908–1972) — известный советский писатель, ученый-палеонтолог, основоположник современной российской фантастики.

Хотели бы вы узнать, какой он — древний мир? Нам совсем немного известно о формировании Египта, Греции и центральной Африки, а их тайны и загадки остаются нераскрытыми по сей день. В глуби времен фараон Джедефра по совету жреца отправляет большую морскую экспедицию на юг, желая найти знаменитую страну Пунт. Спустя более чем через тысячу лет юный скульптор Пандион, оставляя на родине свою возлюбленную, отчаянно отправляется в путешествие с целью понять истинную красоту. Но молодой грек сталкивается с непреодолимыми испытаниями и тяжелыми лишениями... Как пересекутся судьбы Египта и Греции и чем закончится волнующее и захватывающее путешествие сквозь время?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-204303-1

© И.А. Ефремов, наследники, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ПРОЛОГ

Свежий осенний ветер неся над простором подернутой рябью Невы. Острый шпиль Петропавловской крепости в блеске солнечного дня казался золотым лучом, взвившимся в голубую высоту неба. Под ним плавно выгибал свою широкую, могучую спину Дворцовый мост. Волны, качаясь и сверкая, мерно плескались на светлые гранитные ступени набережной.

Сидевший на скамье молодой моряк посмотрел на часы, вскочил и быстро пошел по набережной вдоль Адмиралтейства. Желтые стены легко поднимали ввысь свой венец белых колонн в прозрачном осеннем воздухе.

Автомобили мягко неслись по отполированному асфальту, играя мечущимися вспышками солнца на начищенных стеклах и разноцветной эмали кузовов.

Молодой человек быстро шел по набережной, не обращая внимания на праздничную суету кругом. Он шагал уверенно и легко. Юноше стало жарко, он сдвинул на затылок свою морскую фуражку. Звенели, сползая с моста, трамваи. Моряк пересек садик с деревьями, горевшими осенним багрянцем, прошел вдоль большой площадки и на секунду остановился перед входом, где великаны из полированного гранита подпирали массивный балкон над горбатым подъемом тротуара. Залеченные рубцы от фаши-

стских бомб еще виднелись на двух исполинских гранитных телах. Юноша вошел в тяжелую дверь, снял черную шинель и поспешил к широкой лестнице белого мрамора, устремлявшейся из полутемного вестибюля к светлой колоннаде, обрамленной рядом мраморных статуй.

Навстречу ему, радостно улыбаясь, шла стройная девушка. Ее внимательные, широко расставленные серые глаза потемнели, сделавшись теплыми. Моряк чуть смущенно взглянул на девушку. Она на ходу прятала номерок вешалки в раскрытую сумочку — значит, он не опоздал. Юноша оживился и уверенно предложил начать осмотр снизу, с отделов древностей.

Пробившись сквозь толпу посетителей, юноша и девушка прошли между колоннами, подпиравшими расписанный яркими красками потолок. Они миновали несколько огромных залов. После обломков ваз и плит с непонятными надписями, после мрачных, черных изваяний Древнего Египта, саркофагов, мумий и всех других предметов погребального обихода, выглядевших еще более сумрачно под сводами хмурых залов нижнего этажа, захотелось ярких красок и солнца. Юноша и девушка заторопились наверх.

Они быстро прошли еще две комнаты, направились к боковой лестнице, ведущей в верхние залы из небольшого помещения с узкими окнами, сквозь которые глядело бледное небо. Несколько восьмигранных конических витрин стояло между белыми колоннами, — мелкие произведения древнего искусства, выставленные в них, не привлекали внимания проходивших.

Внезапно перед глазами девушки в третьей витрине выступило пятно чудесного голубовато-зеленого цвета, такого яркого, что, казалось, оно излучало свой собственный свет. Девушка подвела своего спутника к витрине. На серебристом бархате был наклонно прикреплен плоский камень с округлыми краями. Он был чрезвычайно чист и

прозрачен, его сверкающий голубовато-зеленый цвет был неожиданно радостен, светел и глубок, с теплым оттенком прозрачного вина. На гладкой, видимо, отполированной рукой человека, верхней грани выделялись четко вырезанные человеческие фигурки размером в мизинец.

Цвет, блеск и светоносная прозрачность камня резко выделялись среди пасмурной строгости зала и бледных красок осеннего неба.

Девушка услышала шумный вздох своего спутника, увидела его затуманенный воспоминанием взгляд.

— Таким бывает море на юге в ясную погоду, в полдневные часы, — медленно сказал молодой моряк. Непреклонная уверенность очевидца прозвучала в его словах.

— Я не видела этого, — откликнулась девушка, — только чувствую в этом камне какую-то глубину, свет или радость, не могу сказать, что именно... Где это находят такие камни?

Ни крупная, общая четырем витринам надпись «Антские погребения VII века, Среднее Приднепровье, река Рось», ни маленькая этикетка в самой витрине: «Гребенецкий курган, древнее родовое святилище» — ничего не объяснили молодым людям. Непонятными были и предметы, окружавшие замечательный камень: обезображенные до неузнаваемости ржавчиной обломки ножей и копий, плоские чаши, какие-то подвески в форме трапеций из почерневшей бронзы и серебра.

— Это раскопано в Киевской области, — пытался сообразить юноша, — но я не слышал, чтобы там или где-нибудь на Украине добывались подобные камни... У кого бы спросить? — Молодой человек оглядел просторный зал.

Ни одного экскурсовода, как назло, не было поблизости, только в углу около лестницы сидела сторожиха.

Послышались шаги: в зал спускался высокий человек в тщательно отглаженном черном костюме. По тому, что

сторожуха встала со стула и поздоровалась почтительно, девушка безошибочно догадалась, что этот человек здесь какое-то начальство. Она тихонько подтолкнула своего спутника, но тот уже шагал навстречу пришедшему и, вытянувшись по-военному, начал:

— Разрешите спросить?

— Разрешаю. Что угодно? — сказал ученый, и его спокойные глаза близоруко сощурились, рассматривая молодых людей.

Юноша объяснил, что именно их интересует. Ученый улыбнулся.

— У вас есть чутье, молодой человек! — одобрительно воскликнул он. — Вы попали на одну из самых интересных вещей нашего музея! Изображение на камне вы хорошо рассмотрели?.. Нет?.. Мелко! А зачем же здесь это приспособление? Смотрите!

Ученый схватился за деревянную рамку, прикрепленную на верхнем срезе витрины, опустил ее. Как раз против камня установилось большое увеличительное стекло. Щелкнул выключатель, яркий свет залил поверхность камня.

Заинтересованные еще более, девушка и юноша заглянули в стекло. Вырезанные на камне фигуры, увеличившись, стали полными жизни. С одного края прозрачной голубовато-зеленой пластины тонкими скупыми линиями была обозначена фигурка обнаженной девушки, стоявшей с поднятой к щеке правой рукой. Завитки густых вьющихся волос ложились на намеченную четкой дугой округлость плеча.

Всю остальную часть поверхности камня занимали три обнявшиеся мужские фигуры, выполненные с еще большим мастерством, чем изображение девушки.

Стройные, мускулистые тела замерли в момент движения. Повороты тел были сильны, резки и в то же время изящно сдержанны. В центре могучий человек, выше

двух стоявших по сторонам, широко раскинул руки на их плечи. По бокам его двое, вооруженных копьями, стояли с внимательно наклоненными головами. В их позах была напряженная бдительность мощных воинов, готовых с уверенностью отразить любого врага.

Три маленькие фигурки были исполнены с большим мастерством. Идея — братство, дружба и совместная борьба — была в них выражена с необычайной силой.

Глубина прозрачного и светлого камня, служившего одновременно и фоном и материалом, усиливала красоту произведения. Теплый влажный отблеск, казалось, исходящий откуда-то из камня, придавал телам трех обнявшихся людей золотистую веселость солнечного света...

Под фигурами и на гладком сломе нижнего края можно было заметить неровно и поспешно нацарапанные непонятные знаки.

— Насмотрелись? Вижу, что вас захватило! — Голос ученого заставил вздрогнуть обоих молодых людей. — Хорошо. Хотите, немного расскажу про камень? Этот камень — одна из загадок, какие встречаются нам иногда в исторических документах древности. В чем загадка? Слушайте по порядку. Это берилл¹, минерал не из очень редких. Но такие голубовато-зеленые бериллы чистой воды крайне редки. Во всем мире находятся только на юге Африки. Раз. Теперь, на камне вырезана гемма² — подобные вещи любили делать в расцвете древнегреческого искусства в Элладе. Но берилл — камень очень твердый. Чтобы вырезать на нем изображения с такой тщательностью, нужно резать только алмазами —

¹ *Берилл* — минерал из группы алюмосиликатов. Твердость — 7,5—8. Разновидности, прозрачные и окрашенные в густой изумрудно-зеленый цвет, называются изумрудами и являются драгоценными камнями. Синевато-голубые разновидности называются аквамаринами, розовые — воробьевитами.

² *Гемма* — небольшое изображение, вырезанное на камне. Указанной геммы нет ни в Эрмитаже, ни в других музеях.

эллинистические мастера их не имели. Два. Далее, из трех мужских фигур средняя, несомненно, изображает негра, правая — эллина, а левая — это какой-то человек из других средиземноморских народов: может быть, критянин или этруск. И, наконец, по технике изображения человеческого тела гемма должна бы относиться к эпохе расцвета Эллады; в то же время целый ряд особенностей указывает на время несравненно более раннее. Я уже не говорю о том, что копья, здесь изображенные, совсем особенной, не свойственной ни Элладе, ни Египту формы... Целый ряд противоречивых, несовместимых указаний... Но гемма-то существует, вот она...

Ученый помолчал, потом продолжал так же отрывисто:

— Есть еще много исторических загадок. Все они говорят одно: мало, мало мы знаем! Плохо представляем жизнь древности. Например, здесь у нас в золотой кладовой есть среди скифских изделий одна золотая пряжка. Ей две тысячи шестьсот лет, а на ней изображен ископаемый саблезубый тигр¹ во всех подробностях. Так. А палеонтологи вам скажут, что этот тигр вымер триста тысяч лет назад... Ха!.. В египетских гробницах вы увидите фрески, где с поразительной точностью нарисованы все породы зверей, обитавших в Египте. Среди них неизвестный зверь огромной величины, похожий на гигантскую гиену, — такой не известен ни в Египте, ни во всей Африке. Или в Каирском музее есть статуя девушки, найденная в развалинах города Ахетатона, в Египте, построенного в XIV веке до нашей эры, — вовсе не египтянки, и рабо-

¹ *Саблезубые тигры* — вымершая группа крупных кошек. Жили в конце третичного и в четвертичном периоде (от 6 миллионов до 300 тысяч лет назад). Отличаются длинными (до 0,3 метра) клыками верхней челюсти и связанной с их развитием способностью очень широко раскрывать пасть. Вероятно, охотились на самых крупных травоядных.

та совсем не египетская — будто из другого мира. Мои коллеги вам сразу объяснят коротко — сти-ли-за-ция, — шутливо растянул слово ученый. — А я всегда при этом вспоминаю одну историю. В тех же египетских стенных росписях часто встречалась одна рыбка. Небольшая, ничем не особенная. Но нарисована всегда кверху брюхом. Как это так: египтяне, такие точные художники, и вдруг неестественная рыба? Объяснили, конечно: и стилизация тут была, и религия, от влияния культа бога Аммона. Вполне убедительно, ну и успокоились. А спустя пятнадцать лет выяснилось: есть в Ниле и сейчас такая рыбка, и — совершенно точно — плавает она всегда кверху брюхом. Поучительно!.. Вот заговорился я, увлекся! До свиданья, молодые люди, интересуйтесь загадками истории.

— Одну минутку... профессор! — воскликнула девушка. — Неужели вы сами не можете объяснить эту вещь? Ну так, сами для себя. Скажите нам... — Девушка смутилась.

Ученый улыбнулся:

— Что с вами поделать! То, что я скажу вам, будет просто догадка, не больше. Одно несомненно: настоящее искусство отражает жизнь, само живет и поднимается к новым высотам только в борьбе против старого. В те далекие времена, когда была создана эта гемма, процветали бесправие и рабство. Множество людей влачило безысходную жизнь. Но угнетенные поднимали оружие против беспощадного рабства. И вот, глядя на изображение трех воинов, хочется думать, что их дружба возникла в битве за свободу... Может быть, они вместе бежали на родину из плена... Мне кажется, эта гемма — еще одно свидетельство далекой борьбы, которая бушевала тогда, но скрыта от нас веками. Сам неизвестный художник, возможно, участвовал в борьбе... Да это и не может быть иначе... От этого так и совершенно его произведение. Это, так сказать, одинокая победа нового над старым,

свершенная в глубине прошлых веков. Эти свидетельства, доходящие до нас, особенно привлекают внимание наших людей, поднявшихся на борьбу со всем тем, что мешает росту нового. Во всем — в жизни, науке, искусстве. Вот и вы оба сразу обратили внимание на эту гемму среди множества резных камней.

Девушка и юноша снова приникли к стеклу, ошеломленные потоком сведений. Камень казался им таинственным и влекущим.

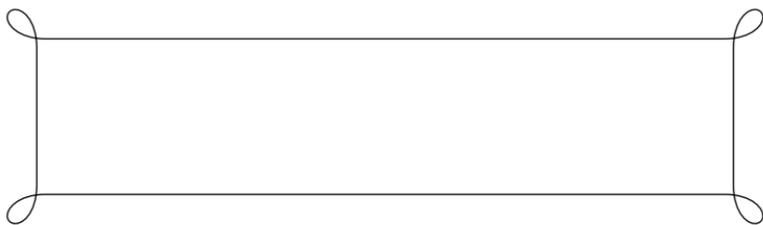
Глубокий, ясный и чистый цвет моря... На нем братское объятие трех людей. Сверкающий камень, как бы передавший свой свет прекрасным телам, здесь, в пасмурном, строгом зале... Юная девушка, полная жизни и женственного обаяния, стояла будто на краю моря.

Молодой моряк со вздохом распрямил уставшую спину. Девушка еще продолжала смотреть. Издалека по гулким проходам донесся топот ног и шум приближающейся экскурсии. Тогда и девушка оторвалась от стекла. Щелкнул выключатель, рамка была поднята, а голубовато-зеленый кристалл продолжал сверкать на бархате.

— Мы придем еще сюда, правда? — спросил моряк.

— Конечно, придем! — отозвалась девушка.

Юноша нежно взял ее под руку, и они задумчиво пошли вверх по белым ступеням лестницы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

УЧЕНИК ХУДОЖНИКА

Плоский камень далеко выдавался в море. Оно, невидимое в ночной темноте, слабо плескалось вниз. Камень еще не потерял дневной теплоты, и юноше не мешали порывы прохладного ветра, пробегавшие между скалами.

Юноша задумчиво смотрел вдаль, туда, где тонул во тьме конец серебряной полосы Млечного Пути. Он следил за падающими звездами. Они вспыхивали сразу во множестве, пронизывали небо сверкающими иглами и скрывались за горизонтом, потухая, как раскаленные стрелы, упавшие в воду. Вновь рассыпались по небу огненные стрелы и улетали в неведомую даль, в сказочные страны, лежавшие за морем, у самых пределов Ойкумены¹.

«Спрошу у деда, куда они падают», — решил юноша и тут же подумал, как хорошо было бы летать так через небо, прямо к неизвестной цели.

Да, он уже не юноша — еще несколько дней, и он достигнет возраста воина. Но не воином он будет, а сделается знаменитым художником, прославленным

¹ *Ойкумена* — населенная земля; по представлениям древних греков, окруженная кольцом пустынной, необитаемой суши, обтекаемой кругом океаном.

скульптором. Он отличался от многих людей врожденной способностью видеть формы природы, чувствовать и запоминать их... Так сказал ему учитель — художник Агенор. И в самом деле, там, где другие равнодушно проходили мимо, он останавливался, потрясенный до глубины души, замечая то, чего еще не мог осмыслить и объяснить. Многообразные лики природы влекли его своими ежечасными переменами. Позже взор стал острее. Юноша мог сам выделять и надолго удерживать в памяти те черты, которые находил прекрасными. Неуловимая красота таилась повсюду — в изгибе гребня бегущей волны и в развевавшихся ветром завитках волос Тессы, дочери учителя, в стройных колоннах сосновых стволов и в грозных утесах, надменно возвышавшихся над морем. С тех пор стремление к созданию прекрасных форм стало его целью. Показать красоту тем, кто не в состоянии уловить ее. И что может быть прекраснее, чем тело человека! Но его передать — как раз самое трудное...

Вот почему так непохожи эти подхваченные памятью живые черты на те изображения богов и героев, которые он видит вокруг, которые сам учился делать! Даже творения самых искусных мастеров Энциады¹ не могли дать убедительного изображения живого человеческого тела.

Юноша смутно чувствовал, что в них искусственно выпячены и грубо усилены только отдельные черты, выражающие радость, волю, гнев или ласку, но и только. Ради силы впечатления скульптор жертвовал всем остальным. Нет, он должен суметь передать красоту! Тогда он сделается величайшим скульптором своей страны и люди будут прославлять его, восторгаясь созданными им произведениями. В них живая красота впервые будет навеки запечатлена в бронзе или камне!

¹ *Энциада* — южный угол Акарнании, страны на юго-западной оконечности Северной Греции. Речь идет о Древней Элладе до ее объединения и расцвета.

Юноша далеко унесся в смелых мечтах, но тут сильная волна гулко плеснула вниз. Несколько капель попало на камни и на лицо юноши. Он вздрогнул, очнувшись, и смущенно улыбнулся в темноте. Боги! Еще, наверное, далеко то время... А сейчас Агенор часто бранит его за неумелую работу и почему-то всегда оказывается правым... А дед? Тот мало интересуется его успехами как художника. Он озабочен только тем, чтобы сделать из своего внука знаменитого борца. Как будто для художника нужна сила! И все-таки хорошо, что дед так воспитал его!.. Юноша знал, что он на редкость силен и вынослив. Как приятно показать свою силу и ловкость на вечерних состязаниях в селении перед Тессой, радостно замечая огонек одобрения в глазах девушки!

Юноша вскочил с горящими щеками, все мускулы его тела напряглись. Он с вызовом подставил грудь ветру, поднял лицо к звездам и вдруг тихо рассмеялся.

Медленно приблизился он к краю камня, взглянул в темноту, казавшуюся бездонной, и, звонко крикнув, прыгнул вниз. Сразу ожила тихая, молчаливая ночь. Внизу было море, ласково охладившее его разгоряченную кожу, засверкавшее мельчайшими огоньками вокруг рук и плеч.

Волны, играя, выталкивали юношу наверх, стремились отбросить назад. Он поплыл, угадывая в темноте колебания воды, уверенно вскидываясь на высокие волны, внезапно встававшие перед ним. Сердце слегка замирало — море словно не имело ни дна, ни края, сливаясь с темным небом в одно целое. Он был наедине со звездами.

Большая волна подбросила юношу; он увидел на берегу отдаленный красный огонь. Легкое движение — и волны послушно понесли юношу на берег, к едва серевшему пятну песчаной отмели.

Слегка вздрагивая от холода, он снова вскарабкался на плоский камень, поднял свой плащ из грубой шер-

сти, свернул его и пустился бежать по берегу к огоньку костра.

Далеко вокруг разносился ароматный дым горевшего хвороста, собранного в зарослях кустарника.

В слабом свете тусклого пламени обозначалась стена маленького дома, сложенного из угловатых камней, а над ней выступ камышовой крыши. Далеко протянутые ветви одинокого платана прикрывали жилище от непогоды. У костра задумчиво сидел старик в сером плаще. Услышав шаги, он с улыбкой повернул в сторону подходившего юноши морщинистое лицо, темный загар которого оттенялся седой курчавой бородой.

— Где ты был так долго, Пандион? — с укоризной сказал старик. — Я уже давно вернулся и хотел поговорить с тобой.

— Я не думал, что ты так скоро, — оправдывался юноша, — и бегал купаться. Я готов слушать тебя хоть всю ночь.

Старик отрицательно покачал головой:

— Нет, беседа будет длинной, а утром тебе рано вставать. Я хочу завтра сделать тебе испытание, и нужно, чтобы ты был в полной силе. Вот свежие лепешки — я привез новый запас — и мед. Сегодня праздничный ужин: поешь, но, как подобает воину, немного и без жадности.

Юноша с удовольствием разломил лепешку и погрузил ее белый мягкий излом в глиняный горшочек с медом. Он ел, не отрывая глаз от деда, молча и нежно смотревшего на внука. Удивительны и совершенно одинаковы были глаза у старика и юноши — сияющие, золотистые, подобные сгущенному цвету солнечного луча. Народное поверье говорило, что люди, обладавшие такими глазами, происходили от земных возлюбленных самого «сына высоты» Гипериона¹, бога солнца.

¹ *Гиперион*, позднее *Феб* — бог солнца у греков.

— Я думал сегодня о тебе, когда ты уехал, — заговорил юноша. — Почему другие аэды¹ живут в хороших домах и сытно едят, ничего не зная, кроме своих песен? А ты, дедушка, знаешь так много, так искусно слагаешь новые песни, а должен трудиться у моря. Лодка уже тяжела тебе, а я только один у тебя помощник. Ведь у нас нет рабов!

Старик улыбнулся и опустил перевитую жилами руку на кудрявую голову Пандиона:

— И об этом я хотел говорить с тобой завтра. Сейчас скажу только, что разные песни можно слагать о богах и людях. И если ты честен перед самим собою и открыты глаза твои, эти песни не будут приятны знатным владельцам земель и военным начальникам. И ты не будешь иметь ни богатых даров, ни рабов, ни славы, тебя не будут звать в большие дома, и песни не доставят тебе пропитания... Пора спать, — оборвал себя старик. — Смотри, Колесница Ночи² уже поворачивается в другую сторону неба. Быстро мчатся ее черные кони, а отдых нужен человеку, чтобы быть сильным. Идем. — И старик направился к узкому входу убогой хижины.

* * *

Старик рано разбудил Пандиона.

Приближалась холодная пора осени: небо было в тучах, пронизывающий ветер шелестел сухим камышом, платан зябко трепетал разрезанными листьями.

Под суровым и требовательным наблюдением деда Пандион занялся гимнастическими упражнениями. Тысячи тысяч раз, с детских лет, проделывал он их на восходе и закате солнца, но сегодня дед выбирал труднейшие упражнения и все увеличивал их число.

¹ *Аэды* — народные певцы в древние времена истории Эллады. Позднее стали называться рапсодами.

² *Колесница Ночи* — Большая Медведица.

Юноша метал тяжелое копье, бросал камни, перепрыгивал через препятствия с мешком песка за плечами. Наконец дед привязал к его левой руке тяжелый наплыв орехового дерева, в правую дал узловатую дубину, а к голове прикрепил обломок каменного горшка. Сдерживая смех, чтобы не потерять дыхание, Пандион по знаку, данному дедом, пустился бежать на север, туда, где береговая тропинка огибала крутой каменистый склон. Он вихрем пронесся по тропе, вскарабкался на первый уступ обрыва, спустился и еще быстрее побежал обратно. Старик встретил внука у хижины, освободил от всего снаряжения и приник щекой к его лицу, стараясь по дыханию определить степень утомления.

Юноша, помолчав, сказал:

— Я мог бы проделать это еще много раз, прежде чем попросить отдыха.

— Да, это так, — ответил старик медленно и гордо выпрямился: — Ты можешь быть воином, способным сражаться неумоимо и носить тяжесть медного оружия! Мой сын, твой отец, дал тебе здоровье и силу, я укрепил их в тебе и сделал тебя выносливым и смелым. — Старик окинул взглядом фигуру юноши, одобрительно посмотрел на широкую выпуклую грудь, на сильные мышцы под гладкой, без единого пятнышка, кожей и продолжал: — У тебя нет родных, кроме меня, слабого старика, нет богатств и слуг, а вся наша фратрия¹ — три небольших селения на каменистом берегу... Мир велик, и много опасностей грозит одинокому человеку. Самая большая из них — потерять свободу, быть захваченным в рабство. Потому я приложил столько усилий, чтобы сделать из тебя воина, отважного и способного на всякое боевое дело. Теперь ты свободен и можешь служить своему наро-

¹ *Фратрия* — объединение нескольких родов. Из фратрий состояло племя в древние времена, когда еще силен был родовой общественный уклад жизни.

ду. Пойдем принесем сейчас жертву Гипериону, нашему покровителю, в честь наступления твоей зрелости.

Дед и внук направились вдоль зарослей побуревшей осоки и камышей туда, где, выдаваясь далеко в море, длинным валом поднимался узкий мыс.

Два толстых, широко распластавшихся дуба росли на конце мыса. Между ними из грубых плит известняка был сложен жертвенник, а позади стоял потемневший деревянный столб, обтесанный в виде человеческой фигуры. Это был древний храм, посвященный местному богу — реке Ахелу, впадавшей здесь в море. Устье реки терялось в зеленых зарослях, кишевших птицами, прилетавшими с севера.

Впереди открывалось затуманившееся море. Оттуда шли волны, с плеском набегавшие на острый конец мыса, похожий на шею громадного животного, погрузившего голову в воду.

Торжественный гул волн, пронзительные крики птиц, свист ветра в камышах и шум дубовых ветвей — все эти звуки сливались в тревожную раскатистую мелодию.

На грубом каменном жертвеннике старик развел огонь. Он бросил в пылающий костер кусок мяса и лепешку. Окончив жертвоприношение, старик подвел Пандиона к большому камню у обрывистого края мшистой скалы и велел отвалить его в сторону. Юноша легко справился с тяжестью и по указанию деда засунул руку в глубокую щель между двумя слоями известняка. Звякнул металл — Пандион извлек покрытые зелеными пятнами окиси медный меч, шлем и широкий пояс из квадратных медных пластин, служивший панцирем для нижней части туловища.

— Это оружие твоего рано погибшего отца, — тихо сказал дед. — Щит и лук ты должен добыть себе сам.

Юноша, взволнованный, склонился над боевыми доспехами, осторожно счищая с металла налет окиси.

Старик сел на камень и, прислонившись спиной к скале, молча наблюдал за внуком, стараясь скрыть от него свою печаль.

Пандион, оставив доспехи, бросился к деду и порывисто обнял его. Старик обхватил рукой стан юноши, чувствуя твердость его могучих мышц. Деду казалось, что он и его давно погибший сын как бы возрождались заново в этом юном теле, созданном для борьбы.

Старик повернул к себе лицо внука и долго смотрел в открытые золотистые глаза:

— Теперь тебе надлежит решить, Пандион: пойдешь ли ты к вождю нашей фратрии, чтобы стать его воином, или останешься подручным у Агенора.

— Останусь у Агенора, — не раздумывая, ответил Пандион. — Если я пойду в селение к начальнику, мне придется там жить, есть вместе со всеми в собрании мужчин, и тогда ты останешься один. Я не хочу разлучаться с тобой и буду помогать тебе.

— Нет, теперь мы должны расстаться, Пандион, — с усилием, но твердо сказал старик.

Юноша удивленно отпрянул, но рука деда удержала его.

— Я исполнил обещание, данное моему сыну — твоему отцу, Пандион, — продолжал старик. — Теперь ты вступаешь в жизнь. Начало твоего пути должно быть свободно, а не отягчено заботой о беспомощном старике. Я удалюсь из нашей Энниады в плодородную Элиду¹, где живут мои дочери со своими мужьями. Когда ты станешь прославленным мастером, ты найдешь меня...

На горячие протесты юноши старик только отрицательно качал головой. Много ласковых, умоляющих, негодующих слов было сказано Пандионом, пока он не

¹ *Элида* — область в северо-западной части Пелопоннеского полуострова.